

Ю. П. Крылова

ПРАВИТЕЛЬ ВО ФРАНЦУЗСКИХ АНТИКУРИАЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЯХ XV в.

«Так можно ли судить вам государя,
Носителя небесного величья,
Избранника, наместника Господня,
Венчанного, помазанного Богом...»

Уильям Шекспир. Ричард II

Через 200 лет после эпохи, о которой пойдет речь, среди придворных авторов стало уже привычным осуждать двор и его нравы, не затрагивая, однако, при этом критикой персоны государя, и даже наоборот — прославляя его. Как пишет М. С. Неклюдова, «чем ярче сияние власти, тем мрачнее картина придворной жизни, на которой, как на портрете Дориана Грея, проявляются все те черты, которые недопустимо различать на солнцеподобном лице монарха»¹. Исследовательница говорит о XVII в. Но только ли это феномен «Великого века», или так могло быть и раньше? Возможно, эта тенденция имела развитие, и есть шанс проследить эволюцию отношения к правителю? Мы знаем о существовании принципа, по которому никто из подданных не мог осмелиться судить помазанника Божия². В то же время многовековую историю

¹ Неклюдова М. С. «Я двор зову страной...»: Родословная одной метафоры. М., 2014. С. 66.

² Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014. С. 97, 105. Хотя, как отмечает Ю. П. Малинин, эта известная концепция в XV в. имела «весьма ограниченное распространение» (Малинин Ю. П. Политическая борьба во Франции во второй половине XV в. и становление раннеабсолютистской доктрины, В кн.: Малинин Ю. П. Франция в эпоху позднего Средневековья. СПб., 2008. С. 435).

© Ю. П. Крылова, 2016

имеет и дискуссия о возможности тираноубийства³. Вопрос, таким образом, представляется весьма неоднозначным. В данной работе мы рассмотрим несколько позднесредневековых источников, содержащих в том или ином виде антикуриальные настроения — т. е. критикующие придворные нравы, — акцентируя внимание на представленном в этих сочинениях правителе.

Критика нравов относится к поучительному жанру, чрезвычайно популярному в позднее Средневековье. Писались сочинения как целиком посвященные вопросам воспитания или наставления, так и частично отражающие интерес авторов к вопросам этики. В XIV–XV вв. происходит процесс укрупнения европейских дворов, увеличивается численность придворных, в связи с чем усиливается и конкурентная борьба за «место под солнцем» вблизи правителя. Так в рамках этологического жанра набирают популярность антикуриальные настроения.

Само существование подобных придворных сочинений не может не вызвать вопроса: а как представлен правитель в них? Ведь двор — это изначально окружение правителя⁴. Двор, или как минимум близкий круг властителя, не стихийно наполняется. Правитель в той или иной степени формирует свое окружение. Документы и авторы позднего Средневековья единодушно свидетельствуют об ответственности короля за выбор своих служителей (думаю, это относится и к главам не только королевского двора)⁵. Критикуют ли авторы антикуриальных текстов хозяина двора и его смысловой центр или же только его окружение, погрязшее по закону жанра во всевозможных пороках? Если этот феномен имеет место, то какой характер носит критика, и какова ее цель?

³ См. обзор существовавших с древнейших времен до XVI в. теорий тираноубийства в: *Мунье, Р.* Убийство Генриха IV. 14 мая 1610 года. СПб., 2008. С. 77–130.

⁴ Обсуждение терминологии см. в: *Fantoni, M.* The Future of Court Studies: The Evolution, Present Successes and Prospects of a Discipline, in: *The Court Historian*. 2011. Vol. 16, No 1. P. 1–2; *Цатурова, С. К.* Долгий путь к Версалю. Трансформация французского двора в XIII–XV веках, В кн.: *Французский ежегодник. Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV* / Под ред. А. В. Чудинова и Ю. П. Крыловой. М., 2014. С. 66–69.

⁵ *Цатурова, С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV вв. М., 2012. С. 198–202.

В этом смысле интересно понять, почему в позднем Средневековье возникает яростная критика двора и не скрывается ли за ней подспудно и осуждение правителя?

Наиболее известным и характерным текстом, неистово критикующем придворную жизнь, в позднесредневековой Франции неизменно считается сочинение Алэна Шартье «Придворный». Оно было создано предположительно около 1427 г. Автор служил сначала при дворе Иоланды Арагонской, затем стал секретарем ее зятя дофина — будущего короля Карла VII — и оставался им десять лет. Сочинение представляет собой небольшой текст, написанный в виде письма брату от лица человека, состоящего на придворной службе. Из письма Шартье становится ясно, что его адресат тоже жаждет попасть на службу ко двору. Автор же в свою очередь предпринимает все, чтобы отговорить его от этого опрометчивого шага. «Придворный» — одно из поздних сочинений Алэна Шартье — свидетельствуют о его критических настроениях по отношению ко двору, отсутствовавших, по всей видимости, в те годы, когда он активно служил Карлу VII. Шартье, не стесняясь в выражениях, сравнивает службу при дворе со «смертоносным рабством», «горделивой нищетой», «дорогой потерь»⁶. Описывая свойственные придворной жизни мытарства, он, тем не менее, не упоминает, о каком именно дворе идет речь. Следует ли это понимать так, что подобные порядки стихийно складываются повсеместно, и что при всех дворах жизнь одинаково невыносима (особенно в сравнении с *vita rustica*)? Или автор, литературно умалчивая о своем местонахождении, желает избежать гнева сеньоров, которым он служил, поскольку сочинение содержит описания придворных обычаев самого нелицеприятного свойства. Он пишет о всевозможных мучениях, страданиях, непрекращающейся злобе, зависти, насмешках окружающих как постоянной составляющей придворного существования. Шартье формирует у читателя устойчивое ощущение, что трон правителя пустует, а толпящиеся вокруг люди живут своей независимой от него жизнью. Создается впечатление, что двор — это состоящий из людей, саморегулирующийся

⁶ «Servitude mortelle», «orgueilleuze misère», «chemin à te perdre» (*Chartier, A. Le curial / Hrsg. von. F. Heuckenkamp. Halle a. S., 1899. S. 5*).

организм, чей гомеостаз не зависит от воли правителя. Шартрь к тому же стилистически оформляет свое нежелание говорить о персоне властителя — в частности, отвлеченными речевыми оборотами, как например: «могучие ветра, дующие при больших дворах такого свойства, что...»⁷. Таким образом, возможным вариантом выбора для автора при описании придворных устоев было полностью опустить упоминание о правителе и указания на конкретный двор. Делаться это могло вполне намеренно, поскольку, с одной стороны, сочинитель разумно не решается навлечь на себя гнев сеньора, с другой — нельзя отказать ему в выражении негодования лишь по поводу придворных, и в искреннем представлении, что правитель не имеет отношения к их низменным интригам.

Примерно через сорок лет после «Придворного» возник еще один текст. Его автор взялся за перо не с целью обличения пороков придворного общества, однако, жизненные обстоятельства заставили его высказаться и по этому поводу. Речь идет о поучении бургундского придворного Жана де Ланнуа своему новорожденному сыну⁸. Ланнуа провел всю жизнь при дворе герцога Бургундского Филиппа Доброго. Его текст не является сугубо придворным и посвященным исключительно жизни двора и критике нравов его обитателей. Сочинение начинается как привычное для эпохи родительское поучение ребенку, но за те полгода, что автор писал его, — а он очень точен в датах, — его настроение кардинально меняется в соответствии с внешними обстоятельствами жизни. В целом, он исключительно лаконичен в упоминаниях своего сеньора-герцога, однако по этим кратким ремаркам (или даже намекам) можно выстроить хронологию событий, происходящих в это время при бургундском дворе, и его отношения к ним.

Свое сочинение, которое автор называет письмом к сыну, он начинает 21 октября 1464 г., в тот день, когда ему сообщили, что у него родился сын. Ланнуа в это время уже человек в возрасте,

⁷ Car les grans vens qui soufflent en haultes cours sont de telle condicion, que... (Chartier A. Le curial. P. 9).

⁸ Подробнее об авторе и его тексте см.: Крылова, Ю. П. «Противоречивый» Жан де Ланнуа: взгляд со стороны и саморепрезентация, В кн.: *Ретроспективная информация источников: образы и реальность* / Отв. ред. О. И. Тогоева и И. Н. Данилевский. М., 2013. С. 116–132.

ему 54 года. Он женат вторым браком, и, наконец, у него появляется долгожданный наследник. Ему сообщают, что «король, мой суверенный сеньор, и мой досточтимейший сеньор и господин, монсеньор герцог Бургундский решили в собственном лице или посредством достойных персон ими призванных, вести тебя к Высшему Царю, Владыке и Сеньору всех, Нашему Благословенному Создателю и Спасителю Иисусу Христу и представить тебя для службы Ему... Это доставило мне, твоей матери и всем / твоим друзьям чрезвычайную и неоценимую радость, и не без причины, когда наихристианнейший король, мой суверенный сеньор, и мой досточтимейший сеньор снисходят до того, чтобы оказать тебе и всем нам такую столь великую честь, какую никогда не могли бы, и мы также, отплатить»⁹. Как мы видим, в формулировке нет ничего особенного, соблюдены все нормы речевого этикета по отношению к правителям. Довольно стремительно ситуация при бургундском дворе начинает развиваться не в пользу автора, и здесь нужно сказать пару слов о конфликте, происходящем в это время при дворе.

Его инициатором стал наследник герцогства Карл, граф де Шароле (в будущем — Карл Смелый). Уже много лет его недовольство вызывала деятельность первого камергера герцога Бургундии Антуана де Круи, игравшего в то время главную роль при дворе и пользовавшегося неизменным доверием герцога, а также его родственники, занимавшие важные должности, и их, как считал граф, профранцузская позиция. Карл искал повода обвинить их в тайном желании узурпировать власть или в шпионаже в пользу Франции. Одним из таких поводов стал выкуп в 1463 г.

⁹ ...le Roy, mon souverain seigneur, et mon très redoubté seigneur et maistre, monseigneur le Duc de Bourgogne ont emprins de, en leurs personnes, ou par gens notables de par eulx ad ce commis, toy mener vers le souverain Roy, Prince et Seigneur de tout le monde, ch'est Nostre Beneoit Créateur et Redempteur Jhésu-Crist, et de toy présenter à lui et à son service... Laquelle chose tourne à moy, à ta mère et à tous / tes amis, à une très mervelleuse et inestimable joye et non sans cause, quant le très chrétien roy, mon souverain seigneur et mon dit très redoubté seigneur, daingnent faire à toy et à nous tous tel honneur et sy grant, que jamez ne polras, ne nous aussy le sçavoir desservir (Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils, in: *Lannoy B., de, Dansaert G. Jean de Lannoy le Batisseur. 1410–1493*. P.-Bruxelles, 1937. P. 123–124).

Людовиком XI городов на Сомме, которые Бургундия получила по Аррасскому договору 1435 г. Несмотря на то что подобный выкуп предусматривался в самом договоре, Карл увидел в нем расхищение своего наследства, совершенное по тайному заговору де Круи, тем более что Людовик XI передал все полномочия в этих городах Жану де Ланнуа¹⁰. В острую форму конфликт перешел на рубеже 1464 и 1465 г. Весной 1465 г., воспользовавшись болезнью герцога Филиппа Доброго, Карл лишил должностей представителей клана де Круи и наложил секвестр на их имущество¹¹. Ланнуа бежал с семьей во Францию, к королю Людовику XI, который высоко оценивал его дипломатические способности.

По мере развития конфликта меняется и настроение сочинителя. Во второй трети книги мы встречаем рассуждения Ланнуа о дружбе. Он размышляет о том, что в период процветания множество людей выказывают вам дружеское расположение, но в трудные времена из ста не найдется и одного. Нужно верить делам людей, а не их словам. Кто-то говорит «весь ваш», но его исполнение обещанного зачастую долго, запоздало и неопределенно¹². В этой связи Ланнуа цитирует в латинском варианте псалом 145, который в церковно-славянской традиции звучит как: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же нет спасения»¹³. На «князи» — «in principibus». Пока это лишь легкий намек, который можно было бы счесть и случайным совпадением, решив, что автору была нужна эта цитата, поскольку она в полной мере соответствовала его размышлениям. Однако, зная ситуацию при бургундском дворе в это время, становится понятным, что это недвусмысленное замечание касалось властителя и выдавало затаенную обиду автора на князя, которому он верно служил всю жизнь, но тот предпочел поверить оговору недоброжелателей.

¹⁰ Об упреке герцога в ответ на это назначение, а также о смущении и извинениях Ланнуа упоминает Ж. Шатлен: *Oeuvres de Georges Chastellain. / Publ. par J. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1864. Т. 4. P. 396–397.*

¹¹ *De Win, P. Antoine de Croÿ, seigneur de Crouy, comte de Porcien, in: Les chevaliers de l'Ordre de la Toison d'Or au XV siècle. Frankfurt, 2000. P. 35–36.*

¹² *Coppies des lettres. P. 151.*

¹³ *Nolite confidere in principibus, in filius hominum, in quibus non est salus (Coppies des lettres. P. 151).*

Вскоре куртуазные околичности уступают место неприкрытому возмущению автора. Через десяток страниц мы встречаем яркую проповедь на несколько страниц против плотского греха. Это особая тема для бургундского двора XV в. и особенно для герцога, у которого насчитывают около двух десятков бастардов¹⁴. Ланнуа оставляет осторожность и изливает читателю все, что он думает по этому поводу: «Я знаю многих и весьма высокопоставленных сеньоров, которые так пристрастились к этому грязному греху в молодости, что никак не могут оставить его и в старости»¹⁵. Нужно сказать, что как минимум один из бастардов родился у герцога Бургундского как раз в текущем 1464 г., когда ему было уже под 70 лет¹⁶. Таким образом, даже если отповедь против блуда была напрямую направлена не в сторону Филиппа Доброго, то, узнав о ней, он должен был как минимум обидеться на поток возмущений, изливаемый на эту тему его придворным (и даже отчасти сводным родственником).

В последнюю треть своей книги Жан де Ланнуа целиком включает упомянутое выше сочинение Алэна Шартье «Придворный». Комментируя этот текст, автор затрагивает сюжет о получении должностей при дворе. С его точки зрения, вполне традиционной для этого времени, должность не следует просить или специально хлопотать о ней самому или друзьям, тем более финансово способствовать ее получению¹⁷. Многие добиваются должностей

¹⁴ *Harsgor, M. L'essor des bâtards nobles au XVe siècle, in: Revue historique. 1975. T. 253. Fasc. 2 (514). P. 319–354.*

¹⁵ *J'en ay bealcop congneu, et de bien grans / signeurs, qui tant avoyent acoustumé cel ort pécié en leur jonesse, que jamez ne le sceurent laisser en leur vicillesse (Copies des lettres. P. 161–162).*

¹⁶ Стоит также заметить, что, возможно, в данном случае свою роль могла сыграть и семейная история. Сестра камергера Антуана де Круи и соответственно тетя Жана де Ланнуа Аньес де Круи была «дамой сердца» предыдущего герцога Бургундского — Жана Бесстрашного — и родила ему сына Жана, будущего епископа Камбрэ, известного таким же количеством бастардов, что и у его сводного брата Филиппа Доброго. Таким образом, у Жана де Ланнуа и герцога был общий родственник, одному — сводный брат, другому — двоюродный.

¹⁷ *...garde bien que ce ne soit par ta requeste ne poursuite, ne de aulcun de tes amis; et par especial que ce ne soit par don de pécune ne par fourme d'accat (Copies des lettres. P. 188).*

не ради любви к сеньору и заботы об общественном благе, но для обогащения¹⁸. А потому люди с доброй репутацией беднеют, а богатеют другие. Однако если хочешь получить должность, нужно обладать добродетелями и добрым именем, поскольку «мудрый и достойный принц предпочитает, чтобы ему служили хорошие люди с добрым именем»¹⁹. Продолжая развивать свою мысль, Ланнуа заявляет, что «каков сеньор, таково и окружение». Так не стоит ли лучше остаться дома, чем стать его приближенным?²⁰ Учитывая, что выше Ланнуа рассуждал о коррупции, распространенной во властных кругах — жажде личного обогащения и отсутствии добродетелей, необходимых для занимаемой должности — подобное высказывание представляется еще одним свидетельством о его «мыслях вслух». Драматичность ситуации выдают колебания в его размышлениях от обиды к здравым рассуждениям о своей судьбе. Обвинив, по сути, правителя в грехах его придворных, Ланнуа тем не менее, признает, что «в свое время он служил хорошему господину», и должности не стоили ему ни денье²¹.

Чрезвычайно интересен для нашей темы еще один текст второй половины XV в. Это анонимное сочинение «Обманутый при дворе». Описанная в нем правительница является одним из центральных персонажей. К сожалению, нам неизвестны обстоятельства появления на свет этого текста: ни точного времени создания, ни автора, ни обстоятельств, приведших к его написанию²². В сочинении рассказывается о том, что может произойти

¹⁸ Идея противопоставления общего блага и частных интересов живо занимала авторов этого времени. См.: Цатурова, С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV вв. С. 547–548.

¹⁹ ...car saige et bon prince voelt estre servy de bonnez gens bien renomméz» (Copies des lettres. P. 189).

²⁰ A tel seigneur, telle mesnié; et selonc le maistre, maisnié...ne seras-tu plus eureux à demourer en ta maison, que de tel seigneur estre le plus prochain et plus privé serviteur (Coppies des lettres. P. 189).

²¹ J'ay, en mon temps, servi bon mestre...oncquez office que j'eusse ne me cousta denyer (Coppie des lettres. P. 189).

²² См. подробнее: Крылова, Ю. П. «Обманутый при дворе»: От индивидуального опыта к общей практике?, В кн.: *Повседневные практики Средневековья и Нового времени: от информации уникальной к информации верифицируемой* / Под ред. О. И. Тогоевой. М., 2015. С. 151–168.

с человеком, если он пожелает сделать карьеру при дворе. Некий человек, от лица которого ведется повествование, рассказывает, как в молодости он встретил двух персонажей, скрывавшихся за аллегорическими масками Обмана (Abuz) и Самоуверенности (Folcuider). Они уговаривают его попытаться счастья при дворе, и он соглашается. Поначалу все складывается хорошо, хозяйка — «Дама Двор»²³ — благосклонно его принимает. Она ласкова к новоприбывшему, поручает ему некоторые обязанности и снабжает небольшими суммами денег. Однако постепенно по разным причинам, и по его собственной вине, она теряет к нему интерес. Он страдает от отсутствия жалования и необходимости тратить собственные средства. В конце концов, это приводит к закату его придворной карьеры, полной нищете и болезни. Сочинение интересно многочисленными конкретными подробностями жизни при дворе и общения между придворными. Но в данном случае нам важен образ «Дамы Двор». Кто скрывается за образом правительницы неизвестно, непонятно даже мужчина или женщина могли быть его прототипами. Автор нарисовал, с одной стороны, удивительно живой характер, но при этом отличающийся невероятной стабильностью в своем поведении. Она «держит лицо» до последней строчки сочинения, что бы ни происходило в жизни героя. В какой-то момент у него случается кризис: оказывается, на беззаботную придворную жизнь он потратил и давнишние выплаты хозяйки (а она задерживает ему жалование уже девять месяцев), и собственные деньги. Он идет к госпоже и просит выплатить ему причитающееся. Она предлагает ему потерпеть с выплатами, пока ее дела не улучшатся. И так продолжается до конца сочинения. Герой приходит во все большее отчаяние, тогда как его госпожа абсолютно спокойна и подчеркнута любезна, а все ее речи сводятся к фразе «подождите до завтра». Он практически прямым текстом отчитывает ее и обвиняет в своей бедности, но ее не трогает ни его нищета, ни то, что он позволяет себе переходить рамки дозволенного в общении господина и подчиненного. В какой-то момент он даже написал ей прошение с изложением дел, она обещала, что его дело обязательно рассмотрят, но прошение потеряли, а его самого

²³ Во французском языке «двор» («la cour») женского рода.

прогнали. Потеряв последние остатки терпения, герой говорит: «обещания моей госпожи и ее вероломство уничтожили меня, мою репутацию и имя»²⁴. В заключении он окончательно теряет всякое представление о куртуазности и в длинном диалоге с Дамой Двор напрямую обвиняет ее во всем, что с ним случилось, а она все так же спокойно и уверенно защищается от его обвинений и объясняет ему, что он сам виноват в своей глупости. Она равнодушна к его беде: «Мне не важно, — говорит она, — что кто-то исчезает, а кто-то возвышается и более продвигается. Нет дела, что слуга исчезает, на одного найдется сотня других. Один уйдет, другой придет»²⁵. Такова в представлении неизвестного автора XV в. правительница. Подчеркнуто любезна почти до равнодушия, что бы ни происходило, даже откровенное непочтение со стороны придворного не может вывести ее из себя. Любопытно, что беспардонная наглость впавшего в отчаяние героя проходит для него без последствий, хотя если бы речь шла о королевской особе, ему вполне можно было бы инкриминировать «оскорбление величества».

Если автору «Обманутого при дворе» было явно не до смеха, когда он описывал придворные мытарства, то Пьер Мишо, придворный герцога Филиппа Доброго и секретарь графа де Шароле, явно ставил цель остроумно высмеять нравы при дворе, выставив их в самом неблагоприятном свете. В 1466 г. он создал любопытную сатиру — «Трактат о нынешних временах» (*Doctrinal du temps present*). В этом сочинении аллегорически изображена Школа Пороков, в которой обучают потенциальных придворных, как себя вести. Для этого Учителя (Честолюбие, Лесть, Насмешка, Молва и пр.) рассказывают, какое там принято поведение, а оно, разумеется, полностью противоречит известным нормам морали. Автор начинает книгу с посвящения герцогу Филиппу Доброму, что по прочтении всего сочинения оставляет некоторое недоумение. Вероятно, Мишо не преследовал цели намеренно расстроить престарелого принца, несмотря на весьма нелицеприятные «уроки»,

²⁴ Car la promesse de ma dame / Et le goust de sa lecherie / M'ont destruit corps et bruit et fame (L'Abuzé en court / Éd. R. Dubuis. P., 1973. P. 96).

²⁵ Que me chault il qui coure ou saille / Ou qui plus s'en avancera? / Doubte n'ay qu'à serviteur faille, / Pour ung, cent on [en] trouvera. / Si l'un recule, l'autre ira (L'Abuzé en court. P. 109).

которые напрямую можно было отнести и к нему самому. Мишо набрасывает образ недалновидного принца, которым управляют его придворные. Увидев нарисованный автором образ придворных, исполненных всех возможных на свете пороков, герцог мог оскорбиться, что Мишо изображает его окружение как ужасающее сборище проходимцев, которые лгут, сплетничают, дерутся, оскорбляют друг друга, присваивают чужое, ведут себя подло и развратно и т. п., причем все это может проявляться как напрямую, так и быть облечено в куртуазные одежды. Кто бы ни был изображен под именем принца в этом тексте, он представляется тоже вполне одиозной фигурой в этой сатире. Он должен жить в удовольствие, а делами пусть занимается Парламент²⁶. Принц ценится, только если он наделен гордыней и высокомерием и умеет надменно говорить, тогда он считается истинным рыцарем²⁷. По одной просьбе он раздает желающим конфискованные у других земли²⁸, а также денежные суммы, стоит только ночующему рядом с ним придворному толкнуть его, заявив «*Petre, dormis?* Посмотрите на мое бедственное положение»²⁹.

Так Пьер Мишо иносказательно изобразил бургундский двор во главе с принцем — будь то сам старый герцог или его сын. Оба, как известно, были далеки от образцов, представленных в «зеркалах принцев» и вполне могли увидеть себя во многих картинах, сатирически нарисованных Мишо. Вместе с тем представленные сцены из придворной жизни могли их просто позабавить, поскольку в них изображено хоть и аморальное, но ставшее привычным повседневно-

²⁶ Il souffit que le prince vive / Plaisamment, sans ce qu'il estrive / A faire raison et justice...Le Parlement est tout propice / Ayant pouoir par son office, / De ministrer par la province / Justice, sans parler au prince (Le doctrinal du temps présent de Pierre Michault (1466) / Éd. T. Walton. P., 1931. P. 50–51).

²⁷ ...prince qui est sans orgueil / N'est point reputé valeureux. / Mais quant il a haultain recueil, / Fier parler et oultraigueux vueil, / On le tient pour chevaleureux (Le doctrinal du temps présent. P. 51).

²⁸ S'ung chevalier.../ Submet sa terre a confiscacion, / Chascun...doit faire diligence / De procurer celle transicion, / Disant au prince: «En toute recompense / Je vous requier celle possession» (Le doctrinal du temps présent. P. 102).

²⁹ Quant ces princes sont vers vous endormis / Et vous estes hors de leur souvenance, / Hurter les fault, disant: «*Petre dormis?* / Advisez cy a ma pouvre chevance» (Le doctrinal du temps présent. P. 104).

ное поведение при дворе. В свое время Ю. П. Малинин отмечал: «Коррупция или даже полное отсутствие нравственных устоев в политических кругах вряд ли можно считать особенностью данной эпохи, хотя есть основания полагать, что в XV в. это явление приобретает больший размах, чем в предыдущие столетия, и становится неотъемлемой чертой политической жизни не только во Франции, но и в других западноевропейских странах»³⁰.

Без тени юмора смотрит на институт двора сочинитель, живший уже на рубеже XV и XVI вв. На его тексте мне хотелось бы остановиться еще по той причине, что он написан намного позже событий, о которых идет речь, а потому автор мог позволить себе спокойно описывать ситуацию и образ правителя — Людовика XI — так, как он ее видит. Речь идет о «Панегирике безупречного рыцаря», созданном в первой трети XVI в. историком и поэтом, принадлежащем к кругу Великих риториков, Жаном де Буше и посвященном Луи II де Ла Тремуайю, военачальнику, погибшему в битве при Павии в 1525 г. Несколько глав в начале его биографического труда содержат эмоциональный взгляд автора на придворные нравы. Автор передает гневную речь отца юноши, жаждущего служить при дворе короля Франции. Король требует срочно прислать юного Луи ко двору на службу, опасаясь, как бы его не опередил в этом желании Карл Смелый. Отец в затруднении, поскольку «знал нрав короля», и что тот «был осторожен и принимал на службу согласно собственным представлениям», к тому же он лишил их семью прав на виконтство Туарское по причине подозрений, павших на их предка³¹. Из-за этого родители Луи боялись, что по причине сурового нрава король может плохо обой-

³⁰ Малинин, Ю. П. Мораль и политика во Франции во второй половине XV в. (Филипп де Коммин), В кн.: *Политические деятели Античности, Средневековья и Нового времени*. Л., 1983. С. 62.

³¹ Le père... congnoissant la complexion du Roy», «le Roy de France Loys XI, qui estoit prudent et prenoit gens à son scervice selon son imaginacion», «le Roy, quelque temps auparavant, avoit mis en sa main le vicomté de Thours, et aussi aultres seigneuries qui appartenoyent à messire Loys d'Ambayse, père de son epouse...pour quelque imaginacion qu'il eut contre ledict d'Ambayse (*Bouchet* 7. Panégyric du chevalier sans reproche, Louis de La Trémoille, in: *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIII siècle jusque'à la fin du XVIII* / Éd. J.-F. Michaut, J.-J.-F. Poujoulat. P., 1837. T. IV. P. 413).

тись и с их сыном. Кроме того, семья имела бургундское происхождение, что также могло вызывать сомнения у подозрительного короля³². Отец с негодованием описывает в стиле Алэна Шартье, какие несчастья ждут при королевском дворе тринадцатилетнего Луи. Он оттягивает отъезд сына, но король присылает письмо, в котором требует прислать Луи к нему на службу, угрожая, что может расценить возможный отказ как неповиновение³³.

Мы видим, что отношение к персоне короля, уже умершего, иное, нежели к здравствующему правителю. Буше не скрывает нелицеприятные черты короля от читателя. Он не испытывает должного пиетета перед священной персоной монарха, какой он должен был бы испытывать, если бы писал при жизни Людовика XI³⁴. Любопытно также отметить тот факт, что ранее в антикуриальных текстах или высказываниях опасность традиционно заключалась лишь в придворном обществе, теперь же оказывается небезопасны и сам центр этого общества — персона короля³⁵.

Представленная выборка текстов невелика, но она все же представляется достаточно репрезентативной. Мы можем наблюдать интересный феномен этой переходной эпохи от Средних веков к Новому времени. В рассмотренных сочинениях авторы преследуют свои собственные, отличные друг от друга цели, используют разные средства, но все равно так или иначе неизменно затрагивают один и тот же сюжет — порочность придворного образа жизни и нравов. Вместе с тем очевидно, что дискурсы авторов о смысловом центре двора — правителе — существенно различаются. За охваченные сто лет настроения сочинителей меняются: критика придворных нравов действительно нарастает к концу

³² «Cognoissoissent la sévérité du Roy», «ilz estoient extractz de Bourgongne» (*Bouchet J. Panégyric du chevalier sans reproche*. P. 414).

³³ «Sur peine de désobéissance» (*Bouchet J. Panégyric du chevalier sans reproche*, Louis de La Trémoille. P. 416).

³⁴ По мнению Ю. П. Малинина, к концу Средневековья «образ короля как «человека божественного» становился все более близким его подданным». См.: Малинин, Ю. П. «Королевская троица» во Франции XIV–XV вв., В кн.: Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 24.

³⁵ *Austrand F. De l'Enfer au Purgatoire: la cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe siècle à la fin du XVe siècle*, in: *L'Etat et les aristocraties (France, Angleterre, Ecosse), XIIe–XVIIe siècles* / Sous la dir. de P. Contamine. P., 1989. P. 69.

XV в. Однако это отнюдь не свидетельствует об увеличивающейся критике правителя³⁶. Скорее можно говорить о том, что на данных примерах тот или иной автор высказывается в соответствии со своими индивидуальными представлениями о правильном обращении к правителю — но не как к собирательному образу облеченной властью личности, а как к конкретному человеку в данной ситуации. На последнем примере мы видим, что умерший король не является для сочинителя сакральной персоной, и он спокойно повествует о нем, не стесняясь в выражениях. В то же время нужно отметить, что авторы антикуриальных текстов практически никогда не ставят напрямую в вину правителю безнравственный облик его придворных. Его никогда не обвиняют в интригах, которые плетутся при дворе. Топика осуждения придворных нравов не меняется, но образы государей, возникающие под пером сочинителей, в это время варьируются в зависимости от персоны автора и самого правителя, а также от описываемой ситуации.

Информация о статье

Крылова, Ю. П. Правитель во французских антикуриальных сочинениях XV в., В кн: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Вып. 2 (14). С. 65–83.

Юлия Петровна Крылова

к. и. н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, Москва, 119334, Ленинский просп., 32а).

j_krylova@list.ru

УДК 94 (44)

Во французских источниках XV в. обращают на себя внимание яркие антикуриальные настроения авторов. В этой связи представляется вполне закономерным вопрос: каким же рисуется в подобных текстах центральный персонаж при дворе — сам правитель? Если придворное окружение короля или герцога погрязло в пороках, то каково поведение его самого?

³⁶ Разнообразие дискурсов о персоне правителя в конце Средневековья воплотится в XVI столетии в существование диаметрально противоположных взглядов авторов и создание ими двух образов: идеального государя и тирана. Эльфонд, И. Я. Образ монарха в придворной культуре Франции XVI в., В кн.: *Придворная культура эпохи Возрождения* / Отв. ред. Л. М. Брагина, В. М. Володарский. М, 2014.

Как развивалась литературная традиция, если в XVII в. французские авторы уже привычно эксплуатировали идею, что «чем ярче солнце, тем темнее вокруг». На примере материалов нескольких сочинений («Придворный» Алэна Шартье, «Письмо своему сыну» Жана де Ланнуа, анонимное произведение «Обманутый при дворе», «Трактат о нынешних временах» Пьера Мишо и «Панегирик безупречного рыцаря Луи де Ла Тремуайя» Жана Буше), критикующих придворные нравы, в статье рассматривается нарисованный авторами образ властителя XV в. Дискурс порочности нравов придворных остается неизменным, в то время как способы описания правителя варьируются. Авторы избирают разную стратегию в своих произведениях: у одних сочинителей правитель отсутствует вовсе, у других — он изображается индифферентно вззирающим на поведение приближенных, у третьих — высказывания о правителе меняются на протяжении текста под влиянием происходящих событий в жизни автора. Топика осуждения придворных нравов за весь охваченный период не меняется, но образы государей, возникающие под пером сочинителей, в это время варьируются в зависимости от персоны автора и самого правителя, а также от описываемой ситуации.

Ключевые слова: История Средних веков и раннего Нового времени, Франция, дворы, придворное общество, антикуриальные сочинения.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00154.

Information on the article

Krylova, Yu. P. Pravitel' vo frantsuzskikh antikuriial'nykh sochineniyakh XV v. [A Governor in the French Anti-courtier Writings of the 15th Century], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*. 2016. Vol. 2 (14). P. 65–83.

Yulia Petrovna Krylova

PhD in History, senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (119334, Rossiya, Moskva, Leninskiy prospekt 32A)

j_krylova@list.ru

The French writings of the 15th century are characterized by a great anti-courtier mood of the authors. In this regard, it would be quite natural to ask: how the central character at court — the governor — is represented in these texts? If the court society hardened in sins, so what is a prince's behavior then (king or duke etc.)? How does the literary tradition develop if the 17th century French writers already habitually employ such thought as «the brighter the sun, the darker the shadows». On the example of some narrative writings («Le Curial» of Alain Chartier, the «Lettre à son fils» of Jean de Lannoy, the anonymous «L'Abuzé en court», «Le doctrinal du temps présent» of Pierre Michault and the

“Panegyric du chevalier sans reproche, Louis de La Trémoille” of Jean Bouchet), that criticizing the court life, the article deals with an image of the 15th century sovereign drawn by the authors. The writers` discourse of courtiers `perversity remains invariable, while the ways of description of the governor image vary. The authors choose different strategies in their writings: at one — any governor is absent at all, at others he (she) is represented as indifferently looking at behavior of his (her) courtiers, at third — the situation is more interesting, because the statements about the governor change throughout the text under the influence of the author`s life events. Thus the topic of condemnations of court life does not change, but the images of sovereigns vary depending on the person of the author and the governor himself at the same time, and also from the described situation.

Keywords: history of Middle Ages and early Modern Times, France, courts, court society, anti-courtier writings

Список источников и литературы

Autrond, F. De l'Enfer au Purgatoire: La cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe siècle à la fin du XVe siècle, in: *L'Etat et les aristocraties (France, Angleterre, Ecosse), XIIe–XVIIe siècles* / Sous la dir. de P. Contamine. Paris: Presses de l'École Normale Supérieure, 1989. P. 51–78.

Bouchet, J. Panegyric du chevalier sans reproche, Louis de La Trémoille, in: *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe* / Éd. J.-F. Michaut, J.-J.-F. Poujoulat. Paris: Chez l'Éditeur de Commentaire analytique du Code civil, 1837. T. IV. P. 404–478.

Chartier, A. Le curial / Éd. F. Heuckenkamp. Halle a. S.: Max Niemeyer, 1899. 99 p.

Copie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils, in: *Lannoy, B. de, Dansaert G. Jean de Lannoy le Bâtisseur. 1410–1493.* Paris; Bruxelles: Desclée, de Brouwer et Cie; L'Édition Universelle S. A., 1937. P. 119–210.

De Win, P. Antoine de Croÿ, seigneur de Crouy, comte de Porcien, in: *Les chevaliers de l'Ordre de la Toison d'Or au XVe siècle.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. P. 34–38.

Fantoni, M. *The Future of Court Studies: The Evolution, Present Successes and Prospects of a Discipline*, in: *The Court Historian*. 2011. Vol. 16, No 1. P. 1–6.

Harsgor, M. L'essor des bâtards nobles au XVe siècle, in: *Revue historique*. 1975. T. 253. Fasc. 2 (514). P. 319–354.

L'Abuzé en court / Éd. R. Dubuis. Genève: Droz, 1973. 228 p.

Le doctrinal du temps présent de Pierre Michault (1466) / Éd. T. Walton. P.: E. Droz, 1931. 323 p.

Oeuvres de Georges Chastellain. / Publ. par J. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles: F. Heussner, libraire-éditeur, 1864. T. 4. 516 p.

Канторович, Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 744 с.

Крылова, Ю. П. «Обманутый при дворе»: от индивидуального опыта к общей практике?, В кн.: *Повседневные практики Средневековья и Нового времени: от информации уникальной к информации верифицируемой* / Под ред. О. И. Тогоевой. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 151–168.

Крылова, Ю. П. «Противоречивый» Жан де Ланнуа: взгляд со стороны и саморепрезентация, В кн.: *Ретроспективная информация источников: образы и реальность*. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 116–132.

Малинин, Ю. П. «Королевская троица» во Франции XIV–XV вв., В кн.: *Одиссей. Человек в истории*. 1995. М.: Наука, 1995. С. 20–36.

Малинин, Ю. П. Мораль и политика во Франции во второй половине XV в. (Филипп де Коммин), В кн.: *Политические деятели Античности, Средневековья и Нового времени*. Л., 1983. С. 59–65.

Малинин, Ю. П. Политическая борьба во Франции во второй половине XV в. и становление раннеабсолютистской доктрины, В кн.: *Малинин Ю. П. Франция в эпоху позднего Средневековья*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 426–444.

Мунье, Р. Убийство Генриха IV. 14 мая 1610 года. СПб.: Евразия, 2008. 416 с.

Неклюдова М. С. «Я двор зову страной...»: родословная одной метафоры. М.: Изд-во РГГУ, 2014. 125 с.

Цатурова, С. К. Долгий путь к Версалю. Трансформация французского двора в XIII–XV веках, В кн.: *Французский ежегодник. Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV* / Под ред. А. В. Чудинова и Ю. П. Крыловой. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 62–91.

Цатурова, С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV вв. М.: Наука, 2012. 622 с.

Эльфонд, И. Я. Образ монарха в придворной культуре Франции XVI в., В кн.: *Придворная культура эпохи Возрождения* / Отв. ред. Л. М. Брагина, В. М. Володарский. М.: РОССПЭН, 2014. С. 152–171.

References

Autrand, F. De l'Enfer au Purgatoire: la cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe siècle à la fin du XVe siècle, in: *L'Etat et les aristocraties (France, Angleterre, Ecosse), XIIe–XVIIe siècles* / Sous la dir. de P. Contamine. Paris: Presses de l'École Normale Supérieure, 1989. P. 51–78.

Bouchet, J. Panegyric du chevalier sans reproche, Louis de La Trémoille, in: *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe* / Éd. J.-F. Michaut, J.-J.-F. Poujoulat. Paris: Chez l'Éditeur de Commentaire analytique du Code civil, 1837. T. IV. P. 404–478.

Chartier, A. Le curial / Éd. F. Heuckenkamp. Halle a. S.: Max Niemeyer, 1899. 99 p.

Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils, in: *Lannoy, B. de, Dansaert G. Jean de Lannoy le Batisseur. 1410–1493.* Paris: Desclée, de Brouwer et Cie; Bruxelles: L'Édition Universelle S. A., 1937. P. 119–210.

De Win, P. Antoine de Croÿ, seigneur de Crouy, comte de Porcien, in: *Les chevaliers de l'Ordre de la Toison d'Or au XVe siècle.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. P. 34–38.

El'fond I. Y. Obraz monarkha v pridvornoy kul'ture Frantsii XVI v. [The Image of the Sovereign at the Court's Culture of France in the XVIth Century], in: *Bragina L. M., Volodarskiy V. M.* (Éd.) *Pridvornaya kul'tura epokhi Vozrozhdeniya.* Moskva: ROSSPEN, 2014. S. 152–171. (in Russian)

Fantoni, M. *The Future of Court Studies: The Evolution, Present Successes and Prospects of a Discipline*, in: *The Court Historian.* 2011. Vol. 16, No 1. P. 1–6.

Harsgor, M. L'essor des bâtards nobles au XVe siècle, in: *Revue historique.* 1975. T. 253. Fasc. 2 (514). P. 319–354.

Kantorovich, E. H. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii [The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaydara, 2014. 744 s. (in Russian)

Krylova, Y. P. «Obmanuty pri dvore»: Ot individual'nogo opyta k obshchey praktike? [«L'Abuzé en court»: From Individual Experience to General Practice?], in: *Togoëva O. I.* (Éd.) *Povednevnye praktiki Srednevekov'ya i Novogo vremeni: ot informatsii unikal'noy k informatsii verifitsiruemoy.* Moskva: IVI RAN, 2015. S. 151–168. (in Russian)

Krylova, Y. P. «Protivorechivyy» Zhan de Lannua: Vzglyad so storony i samoreprezentatsiya [«Controversial» Jean de Lannoy: View from the Outside and His Self-representation], in: *Togoëva O.I., Danilevskiy* (Éd.) *Retrospektivnaya informatsiya istochnikov: obrazy i real'nost'.* Moskva: IVI RAN, 2013. S. 116–132. (in Russian)

L'Abuzé en court / Éd. R. Dubuis. Genève: Droz, 1973. 228 p.

Le doctrinal du temps présent de Pierre Michault (1466) / Éd. T. Walton. P.: E.Droz, 1931. 323 p.

Lyudovika XIV [Annual of French Studies: The Court Life in France from Charlemagne till Louis XIV]. Moskva: IVI RAN, 2014. S. 62–91. (in Russian)

Tsaturova S. K. Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII–XV vv. [The Formation of Institute of Public Service in France, XIIIth–XVth centuries]. Moskva: Nauka, 2012. 622 s. (in Russian)

Malinin, Y. P. «Korolevskaya troitsa» vo Frantsii XIV–XV vv. [The Royal “Trinity” in France in the XIVth and XVth Centuries], in: *Odyssey. Chelovek v istorii.* 1995. Moskva: Nauka, 1995. P. 20–36. (in Russian)

Malinin, Y. P. Moral' i politika vo Frantsii vo vtoroy polovine XV v. (Filipp de Kommin) [Moral and Politics in France at the Second Half of the XVth Century], in: *Politicheskie deyateli Antichnosti, Srednevekov'ya i Novogo vremeni*. Leningrad, 1983. S. 59–65. (in Russian)

Malinin, Y. P. Politicheskaya bor'ba vo Frantsii vo vtoroy polovine XV v. i stanovlenie ranneabsolutistskoy doktriny [The Political Struggle in France in the Second Half of the XVth Century and the Formation of the Early Absolute Doctrine], in: *Malinin Y. P. Frantsiya v epohu pozdnego Srednevekov'ya*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. S. 426–444. (in Russian)

Mun'e R. Ubiystvo Genrikha IV. 14 maya 1610 goda [The assassination of Henry IV. The 14th of May 1610]. Sankt-Peterburg: Evrazija, 2008. 416 s. (in Russian)

Neklyudova, M. S. «Ya dvor zovu stranoy...»: Rodoslovnaya odnoy metafory [«La cour est un pays...»: Genealogy of a Metaphor]. Moskva: Izd-vo RGGU, 2014. 125 s. (in Russian)

Oeuvres de Georges Chastellain / Publ. par J. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles: F. Heussner, libraire-éditeur, 1864. T. 4. 516 p.

Isaturova S. K. Dolgiy put' k Versalyu. Transformatsiya frantsuzskogo dvora v XIII–XV vekakh [The Long Way to Versailles. The French Royal Court Transformation in the XIIIth–XVth Centuries], in: *Tshudinov A. V., Krylova Y. P.* (Éd.) *Frantsuzskiy ezhegodnik. Zhizn' dvora vo Frantsii ot Karla Velikogo do Lyudovika XIV*. Moskva: IVI RAN, 2014. S. 62–91.